

12. *Литвинов П.П.* Британская Индия и русский Туркестан во второй половине XIX–начале XX века // Россия – Индия: перспективы регионального сотрудничества. – М.: Институт востоковедения РАН, 2000.
13. *Марков С. Н.* Избранные произведения: В 2 т. Юконский ворон. Летопись Аляски. Люди великой цели. – М., 1980. – Т. 1.
14. *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая пол. XIX в. – 1917 г.). – Барнаул: АзБука, 2003.
15. *Моисеев В.А.* К истории занятия Кульджинского края русскими и вопрос о его возвращении Китаю в 1870–1871 гг. // Востокведные исследования на Алтае. Вып. II. Сборник научных статей под ред. В.А. Моисеева. – Барнаул, 2000.
16. *Моисеев В.А.* Из истории Илийского кризиса (занятие русскими войсками Кульджинского края в 1871 г.) // Актуальные вопросы истории, историографии и международных отношений. – Барнаул, 1996.
17. *Покоритель и устроитель Туркестанского края генерал-адъютант К. П. фон-Кауфман I-й (Материалы для биографического очерка) // Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К. П. фон-Кауфмана I-го. – М., 1910.*
18. *Постников А.В.* Схватка на “Крыше Мира”: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке (монография в документах). – М., 2001.
19. *Хвостов В.М.* Китайский «счет по реестру» и правда истории // Международная жизнь. – 1964. – № 10.
20. *Янишин В.П.* Продвижение России в Центральную Азию и присоединение Тянь-Шаня и Алая в XIX веке. – Бишкек, 2006.

*П.И. Дятленко,
аспирант и преподаватель,
Кыргызско-Российский Славянский университет*

Послевоенные политические репрессии (1945-1953 гг.) в Кыргызстане: «ждановщина», борьба с «буржуазным национализмом и космополитизмом»

В конце 40-х и начале 50-х годов по всему СССР (в том числе в Киргизской ССР) прокатилась новая волна массовых политических репрессий, о которой сейчас мы знаем гораздо меньше нежели о политических репрессиях 30-х годов. Она в первую очередь ударила по интеллигенции и культуре и позже была названа в честь секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Жданова, начавшего ее проведение, «ждановщиной». Одновременно проводилась новая кампания по борьбе с «буржуазным национализмом», которая в среднеазиатских республиках СССР приобрела вид борьбы с «феодално-байскими пережитками», то есть с той частью национальной культуры народов региона, которая сложилась до присо-

единения этих территорий к России. В среднеазиатских республиках СССР проведение этих репрессивных кампаний пришлось на 1949-1952 гг. (2, с. 281).

В те годы в Киргизской ССР по обвинению в национализме были необоснованно осуждены трое ученых-гуманитариев. Речь идет о Т. Байджиеве, З. Бектенове и Т. Саманчине, которые были репрессированы органами госбезопасности по одному делу и позже одновременно полностью реабилитированы. Идеологической проработке и административным преследованиям подвергся ряд литераторов, писателей, ученых и деятелей искусства республики. Репрессивным мерам предшествовала активная идеологическая кампания в СМИ, начатая весной 1949 г. после V съезда КП(б) Киргизии (10–14 февраля 1949 г.), на котором была подвергнута критике деятельность Союза советских писателей Киргизии. 20–23 сентября 1952 г. прошел VI съезд КП(б) Киргизии, на котором была продолжена необоснованная идеологическая критика творческих организаций и НИИ республики. В том числе, в решениях съездов были раскритикованы «идейно несостоятельные произведения» – «Кровавые годы» А. Токомбаева и «Балбай» К. Маликова и указывалось, что литературоведы и историки не опровергли в своих трудах антиленинской теории «единого потока» (6, с. 226).

Первый идеологический удар по интеллигенции республики был нанесен на VII пленуме ЦКП Киргизии, прошедшем 1–2 апреля 1949 г. В ходе пленума резкой необоснованной критике подвергли работу правления Союза советских писателей Киргизии и его руководителей – А. Токомбаева и К. Маликова, был вскрыт «ряд серьезных идеологических ошибок в произведениях ряда писателей» (14).

На пленуме в адрес ряда писателей прозвучали необоснованные идеологические обвинения, которые были сформулированы следующим образом: «т.т. Токомбаев и Маликов заняли беспринципную линию в руководстве деятельностью Союза писателей, создали затхлую атмосферу панибратства и самовосхваления, замазывания грубейших идеологических ошибок в своем творчестве.

Как известно из выступлений печати, тов. Токомбаев в своем романе “Кровавые годы” допустил грубое искажение исторической правды, предоставил страницы романа для пантюристских и панисламистских высказываний. Поэт Маликов длительное время увлекался идеализацией прошлого. Были вскрыты также в свое время ошибки в творчестве других писателей.

Серьезные сигналы партийной печати, а также суровая критика, которой были подвергнуты т.т. Токомбаев и Маликов за беспринципные выступления на Пятом съезде компартии Киргизии, не были использованы для коренного перелома в работе Союза писателей и для исправления ошибок в творческой деятельности писателей. Более того, т.т. Токомбаев и Маликов и после Пятого съезда КП(б) Киргизии продолжали упорствовать в своих ошибках, встречая критику по своему адресу в штыки. В этих целях был использован даже орган Союза советских писателей Киргизии – журнал “Советтик Киргизстан”... В журнале не печатались теоретические и литературно-критические статьи, в то же время публиковались порочные статьи т.т. Саманчина и Убукеева, целью которых было защитить ошибочные произведения т. Маликова, против которых выступали газеты “Советская Киргизия” и “Советтик Киргизстан”.

Неубедительно прозвучало выступление поэта т. Маликова. Формально признав свои ошибки, он не вскрыл причин, обусловивших порочный стиль работы правления Союза, а также ошибки в работе журнала, не дал глубокого анализа собственных ошибок.

Выступления гг. Самаганова, Балтина и ряда других участников пленума были посвящены критике ошибок в литературоведении, в частности, работ тов. Саманчина.

Неубедительным и путаным было выступление тов. Саманчина, пытавшегося общими туманными рассуждениями замазать крупнейшие идеологические ошибки в своей литературоведческой работе. Как известно, тов. Саманчин, превознося Молдо Кылыча, принижал значение творчества поэта-демократа Токтогула» (4).

Заседание разгромного пленума ССП Киргизии завершилось выступлением секретаря ЦК КП(б) Киргизии Орозалиева, призвавшего писателей республики к «неустанной борьбе за выполнение исторических решений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам и решений Пятого съезда КП(б) Киргизии, к большевистской критике и самокритике, направленной на разгром космополитизма и других враждебных советской литературе течений».

В ходе прений выступило 27 человек. В заключительном слове А. Токомбаев сказал, что считает справедливой резкую критику романа «Кровавые годы», его деятельности как председателя правления ССП Киргизии и как писателя.

Республиканская пресса так писала о решениях пленума: «Пленум решительно осудил неправильную позицию гг. Токомбаева, Маликова и Саманчина, которые до последнего времени замазывали серьезные идеологические ошибки, допущенные ими в своем творчестве, а также в руководстве Союзом писателей. Пленум принял к сведению заявления гг. Токомбаева и Маликова, признавших правильность критики, которой подвергались их отдельные порочные произведения» (4). В итоге пленума был принят ряд жестких кадровых решений. Было удовлетворено заявление А. Токомбаева об освобождении его от обязанностей председателя правления ССП Киргизии. Пленум вывел из состава правления Союза советских писателей республики К. Маликова, С. Липкина и Я. Шиваза. От обязанностей редактора журнала «Советтик Киргизстан» был освобожден К. Маликов, из состава редколлегии этого журнала были выведены К. Маликов, А. Убукеев и Т. Саманчин (14).

Пропагандистская кампания в прессе против интеллигенции республики продолжала набирать силу. 5 апреля 1949 года газета «Советская Киргизия» опубликовала статью кандидата филологических наук Г. Самарина «Против буржуазного космополитизма в манасоведении», в которой разгромной критике подверглись статья А.Н. Бернштама «Эпоха возникновения эпоса “Манас”», опубликованная в 1946 г. в литературно-художественном альманахе «Киргизстан», книга В.М. Жирмунского «Введение в изучение эпоса “Манас”» и статья С.М. Абрамзона «Этнографические сюжеты в киргизском эпосе “Манас”» («Советская этнография». 1947, № 2.). Автор критической статьи обвинил А.Н. Бернштама в смыкании буржуазного национализма и космополитизма, полном отсутствии классового анализа и идеализме. В.М. Жирмунскому ставились в вину использование в качестве методологической основы в вышеназванной книге «враждебных марксизму-ленинизму взглядов А.Н. Веселовского» и искусственное разбитие киргизского эпоса на так называемые «эпические клише». С.М. Абрамзон был обвинен в наличии в его публикациях, в частности в указанной статье, «идейно общих с космополитизмом черт буржуазного историко-сравнительного метода».

Г. Самарин также подчеркивал: «Исследователи “Манаса” в своих поисках должны идти путями диаметрально противоположными, пресекать всяческие вылазки буржуазных космополитов, равно как и носителей пережитков буржуазного наци-

онализма и национальной ограниченности. Нельзя забывать ни на минуту, что те и другие в своей ненависти ко всему передовому и прогрессивному блокируются между собой» (13).

10 апреля 1949 г. в газете «Советская Киргизия» была опубликована статья Г. Нурова, П. Балтина и Д. Самаганова «Космополитизм и рецидивы буржуазного национализма в работах Т. Саманчина». В этой статье были изложены развернутые идеологические обвинения в адрес Т. Саманчина и многих других писателей и ученых нашей республики.

Авторы разгромной статьи предъявили обвинения А. Токомбаеву и К. Маликову в идеализации старины в их произведениях, становлении на путь национальной ограниченности и встрече в штыки справедливой критики. В усердном покровительстве Т. Саманчину обвинялись ученые Дж.Ш. Шукуров, К. Соронбаев и К.К. Юдахин, вместе с ним защищавшие «идеологически порочные книги А. Тайгурунова и Абрамзона».

Остановимся на идеологических обвинениях в адрес Т. Саманчина и его творчества, которые по тем временам звучали как приговор суда. Во-первых, авторы статьи писали, что на его «писаниях... теоретически базировалось все чуждое нашей идеологии в творчестве А. Токомбаева и К. Маликова» (9).

Во-вторых, в антипатриотизме, выступлении против партийности литературы и буржуазном космополитизме. В статье отмечалось: «...Являясь трубадуром и защитником ветхих литературных форм, мешающих киргизской поэзии выражать социалистическое содержание, китайской стеной отгораживающих киргизских поэтов от современности, Саманчин ни словом не обмолвился в этой статье о необходимости учиться у русской литературы».

В своих взглядах на задачи советской литературы Саманчин ничем не отличается от разоблаченной антипатриотической группы эстетствующих снобов, формалистов-космополитов. Он защищает вредные книги А. Тайгурунова, Абрамзона и др., написанные с позиций враждебного марксизму-ленинизму и советскому народу безродного космополитизма...».

В статье «Киргизская литература» («Советтик Киргизстан», 1947, № 11.) все тот же Саманчин, говоря о русских ученых, помогавших росту молодой киргизской советской литературы, называет матерого космополита-веселовца В. Жирмунского. Как известно, его «помощь» выразилась в выпуске идеологически порочной работы, посвященной «Манасу» (9).

Авторы статьи, любой ценой стремясь подчеркнуть несомненную связь Т. Саманчина с «безродным космополитизмом», сослались на тот факт, что он был редактором книги В.М. Жирмунского «Введение в изучение эпоса «Манас», изданной Институтом языка, литературы и истории Киргизского филиала Академии наук СССР в конце 1948 г.

В-третьих, Т. Саманчина обвинили в пантюркистских и националистических взглядах. В статье указывалось: «В «Очерках киргизской литературы», изданных в 1943 году, он объявил всех акынов дореволюционной Киргизии «народными», реакционную литературу типа «заманов» – революционной и все, что было направлено против России, все националистическое изобразил патриотическим... Придерживаясь таких глубоко ошибочных пантюркистских и националистических убеждений, автор «очерков» считает патриотическими самые реакционные элементы в «заманых»...

Если учесть, что “Очерки киргизской литературы” были изданы в разгар Великой Отечественной войны, вредность и антипатриотический характер проводимой Саманчиным в киргизском литературоведении линии станут тем более очевидны.

В свое время эти глубоко ошибочные положения Саманчина были подвергнуты суровой критике в статье секретаря ЦК КП(б) Киргизии тов. Орозалиева (“Советская Киргизия”, № 203, 1947 г.)» (9).

В-четвертых, в идеализации «реакционного» творчества акына Молдо Кылыча и принижении творчества акына-демократа Токтогула. В вышеназванной статье отмечалось: «В своей диссертации “Молдо Кылыч – первый киргизский акын-письменник” Саманчин идеализирует Кылыча, затушевывая реакционные стороны его творчества и заявляя: “Он как никто иной из современных ему акынов воплотил в своей поэзии стремления и чаяния угнетенного киргизского народа, чем и определил все идейное содержание и стиль литературы своей эпохи” (204)... Между тем, известно, что Кылыч был одним из крупнейших представителей реакционного литературного течения “заманов”, своеобразным продолжателем Калыгула и Арыстанбека, а творчество его было пропитано реакционным мистицизмом и мусульманской религиозностью. Саманчин словно забыл, что в это же время жил Токтогул, творчество которого было подлинно народным, воплощающим чаяния угнетенного киргизского народа и определяющим идейное содержание литературы своей эпохи. Диссертация Саманчина издана в 1948 году со значительными исправлениями. И все же автор ее остается на позициях идеализации Кылыча» (9).

В заключении статьи ее авторы подчеркивали: «Долголетняя “литературная” деятельность Саманчина – яркий пример смыкания космополитизма с национализмом. Идеализируя патриархально-феодалное прошлое, принижая демократические тенденции киргизской литературы, извращая современность, Саманчин ведет линию на подрыв чувства советского патриотизма в сознании читателей. Именно в этих целях он заслоняет литературой “заманов” подлинно демократическое творчество Токтогула, шельмует критику, выступающую с партийных позиций, берет под защиту национальную ограниченность в произведениях К. Маликова. Не раз разоблаченный и пойманный с поличным, Саманчин продолжает упорствовать, не признает своих писаний ошибочными» (9).

15 апреля 1949 года газета «Советская Киргизия» опубликовала редакционную статью «До конца вытравить проявления безродного космополитизма и буржуазного национализма в литературе и искусстве», посвященную итогам прошедшего 11 и 12 апреля 1949 года собрания интеллигенции столицы республики. На собрании с разгромным докладом выступил заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК КП(б) Киргизии К. Каракеев, который указал на «серьезные идеологические ошибки», допущенные в некоторых произведениях литературоведов, писателей и историков. В буржуазно-космополитических взглядах были обвинены А.Н. Бернштам, С.М. Абрамзон и В.М. Жирмунский. Докладчик также отметил «серьезные недостатки в развитии киргизской советской литературы» и остановился на ошибках писателей А. Токомбаева и К. Маликова. После этого К. Каракеев отметил «космополитические взгляды в работах Т. Саманчина и упаднические, декадентские настроения в творчестве поэта Ясыра Шиваза», указав «на необходимость до конца ликвидировать элементы идеализации феодального прошлого, безидейность, проявления национальной ограниченности, рецидивы буржуазного национализма в художественной литературе» (3).

Также докладчик указал на якобы допущенные Киргизским и Русским драматическими театрами серьезные ошибки. К. Каракеев заявил: «Например, русский драмтеатр поставил безидейные и халтурные пьесы “Вас вызывает Таймыр”, “Мужество”, “Старые друзья”» (3).

В ходе выступлений другие выступавшие подчеркивали, что проявления космополитизма, национальной ограниченности и буржуазного национализма в работах Т. Саманчина не являются случайными. Научный сотрудник ИЯЛИ КирФАН СССР Дж. Самаганов «в своем выступлении указал, что в институте сложилась нездоровая обстановка семейственности и круговой поруки. Всякое критическое выступление директор института тов. Соронбаев и другие ведущие сотрудники встречали в штыки» (3).

Преподаватель Киргизского педагогического института П. Балтин привел примеры поощрения и культивирования руководством Института языка, литературы и истории КирФАНа терпимости к серьезным идеологическим ошибкам, в первую очередь эти обвинения были направлены против директора ИЯЛИ К. Соронбаева. Также П. Балтин выступил с критикой против К.К. Юдахина и Х. Карасаева, которые на прошедшем ранее заседании Киргизского педагогического института попытались ослабить резкую критику в адрес работ И.А. Батманова по языковедению.

В конце собрания слово было предоставлено К. Соронбаеву и А. Михалеву. В своем выступлении К. Соронбаев заявил, что он находился под влиянием некоторых работников, защищал марку института и выгораживал институт. Художник А. Михалев в своем выступлении вынужден был признать своевременность и правильность статьи «Развенчать носителей формализма в изобразительном искусстве», напечатанной в «Советской Киргизии», которая критиковала его ошибки как художника (3). При оценке публичных признаний, которые сделал К. Соронбаев и А. Михалев, как и многие другие и до них, и после них, нужно учитывать, что другого выхода, как признать несуществующие идеологические ошибки, у них на самом деле не было. Попытка промолчать или не признать публичную критику гарантированно влекли за собой применение более жестких репрессивных мер со стороны тоталитарного государства.

Стремясь выжить и следуя устоявшейся в советском обществе тех лет традиции публичного самобичевания, Т. Саманчин и К. Маликов написали письма в редакцию республиканской газеты «Советская Киргизия», в которых вынужденно признавались во всех предъявленных им мнимых идеологических ошибках. Эти письма были опубликованы.

Тазабек Саманчин писал: «...Я идеализировал творческую деятельность акынов прошлого, не вскрывая достаточно ярко их идейной ограниченности и чуждых для советских людей отсталых взглядов. В своей работе я не учел, что творчество писателей и акынов прошлого, наряду с прогрессивными идеями, несет в себе, в той или иной мере, груз обветшалых, чуждых духу советского человека идей и представлений...

Переоценивая творчество акынов прошлого, я стал в дальнейшем защищать отдельные идейно-порочные произведения некоторых современных киргизских писателей. В частности, я выступил на страницах журнала “Советтик Кыргызстан” против статьи тов. Самаганова, где он справедливо подвергал резкой критике идейно-порочные произведения поэта К. Маликова, идеализирующие феодально-родовое прошлое. Вместе с некоторыми другими научными сотрудниками ИЯЛИ КирФАН СССР я защищал от справедливой критики аполитичный и антинаучный сборник “Киргизский советский фольклор”, составленный А. Тайгуроновым...» (12).

В конце письма Т. Саманчин признавал «справедливость» несправедливых гонений против него: «Я обязан нашей партийной печати и всей партийной и литературной общественности тем, что они совершенно справедливо вскрыли в моих работах тенденции рецидива национализма, смыкающегося с идеями буржуазного космополитизма, чем помогли мне глубоко осознать и бесповоротно осудить порочную позицию моей литературоведческой деятельности.

Считаю своим партийным долгом заявить, что я полностью согласен с критикой порочных взглядов в моих работах.

Я решительно, бесповоротно осуждаю свою ошибочную позицию и заверяю, что в дальнейшем буду вести непримиримую борьбу со всякими антипатриотическими проявлениями в области литературы и литературоведения, особенно с идеализацией прошлого, которое представляет собой один из самых отвратительных феодально-родовых пережитков в сознании некоторых отсталых кругов нашей интеллигенции. Докажу это делом, своей практической деятельностью» (12).

К. Маликов написал покаянное письмо в более сдержанном тоне по сравнению с Т. Саманчиным: «После исторических решений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам большинство работников литературы и искусства пересмотрело свои труды и сделало необходимые выводы. Сделать это должен и я.

В моих произведениях были серьезные идеологические ошибки. Я идеализировал феодальное прошлое киргизского народа...

Идеализируя подвиги героев эпоса “Манас”, я ошибочно призывал советскую молодежь учиться у людей далекого прошлого, во всем брать с них пример, преклоняться перед ними.

Большой моей ошибкой было чрезмерное увлечение фольклорной формой стиха, старыми сравнениями, вроде “сокол”, “лев”, “тигр”, которые я употреблял без всякой надобности. Это мешало мне создавать новые формы, новые системы образов...

Выступая на пятом съезде коммунистической партии Киргизии, я не помог делегатам обсудить ошибки и недостатки в работах Союза советских писателей, в творчестве отдельных писателей, в частности, в моем. Трибуну съезда я использовал для нападок на товарищей, которые правильно критиковали мои творческие ошибки.

Ряд серьезных ошибок допустил я как редактор журнала “Советтик Кыргызстан”. Одной из таких ошибок было опубликование в журнале статей Тазабека Саманчина и Айткулу Убукеева, направленных против принципиальной, большевистской критики моих произведений.

Сейчас я внимательно пересмотрел свои произведения, глубоко понял и осознал свои ошибки и осудил их. Как писатель-коммунист я сделал для себя партийные выводы и обещаю исправить свои ошибки, решительно бороться со всякими проявлениями вредных антипатриотических идей, с идеализацией прошлого и рецидивами местного буржуазного национализма. Все свои силы, знания и способности отдам делу развития советской киргизской литературы» (8).

14 сентября 1952 года кыргызскоязычная газета «Кызыл Кыргызстан» опубликовала «Письмо в редакцию» А. Токомбаева, в котором он вынужденно признавал якобы допущенные им идеологические ошибки в романе «Кровавые годы» и некоторых других произведениях (15). А. Токомбаев вынужден был так поступить под давлением критики, прозвучавшей на VI съезде КП(б) Киргизии и отраженной в его решениях.

29 мая 1949 года газета «Советская Киргизия» опубликовала редакционную статью под названием «Обеспечить коренное улучшение лингвистической работы в республике», которая была посвящена освещению заседания ученого совета Киргизского педагогического института. На данном заседании были подведены итоги дискуссии о лингвистической работе, начатой в связи с публикацией статьи «Против объективизма и любительства в разработке грамматики киргизского языка» в «Советской Киргизии» 22 марта 1949 года, и «Об ошибках в трудах по киргизскому языку доцента И.А. Батманова» (10).

В статьях «Советской Киргизии» от 22 марта и 29 апреля 1949 года отмечалось, что лингвисты, изучающие киргизский язык, якобы занимаются частными, подчас мелкими и не имеющими практического значения вопросами. В качестве примеров назывались работы И.А. Батманова: «Фонетическая система киргизского языка», «К генезису диалектов киргизского языка» и др. И.А. Батманова обвиняли также в том, что он в своих работах «допускает серьезные теоретические ошибки, сплошь и рядом отступая от принципов разработанного академиком Н.Я. Марром материалистического советского языкознания, скатываясь на позиции идеалистической и метафизической буржуазной науки о языке» (10).

На ученом совете Киргизского педагогического института состоялось обсуждение состояния лингвистических исследований с учетом названных разгромных статей из «Советской Киргизии». С критикой в адрес И.А. Батманова и его работ выступили доценты Хасанов и Донецкая, преподаватель Шульц. Досталось и профессору К.К. Юдахину, который пытался защитить И.А. Батманова от необоснованной критики, при этом ему самому пришлось под давлением выступавших вынужденно признать, «что серьезные отступления от нового советского учения о языке имеются не только в трудах Батманова, но и в его языковедческих работах» (10).

При подведении итогов дискуссии на ученом совете, директор Киргизского педагогического института Липович подчеркнул: «В своей идейной борьбе против марксизма-ленинизма англо-американские империалисты всячески извращают подлинную науку о языке, используют всевозможные идеалистические буржуазные теории в языковедении для оправдания своих агрессивных стремлений к мировому господству. Естественно, советские лингвисты, в том числе тов. Батманов, должны из этого сделать для себя все выводы» (10).

В своем решении ученый совет Киргизского педагогического института указывал: «Признать, что ученый совет литфака в решении от 9 апреля 1949 года, обсуждая труды И.А. Батманова, не дал политической оценки теоретическим ошибкам, допущенным в его работах по киргизскому языку, не показал, что доцент Батманов в ряде случаев не применял важнейшие положения марксизма-ленинизма о партийности науки, а отход от принципа партийности науки привел доцента Батманова к тому, что в его печатных трудах им не преодолено в некоторых вопросах влияние буржуазной лингвистики» (10). Отметив наличие серьезных ошибок в трудах И.А. Батманова, совет института тем не менее посчитал, что ученый «стоит в своих научных трудах и особенно в преподавательской работе на позициях советского языкознания», и что он «ввел в обиход советского языкознания большой доброкачественный фактический материал».

Последний идеологический удар первой половины 1949 года в республике пришелся по Союзу художников Киргизской ССР. 15 июня 1949 года газета «Советская Киргизия»

опубликовала редакционную статью «За социалистический реализм и высокую идейность в изобразительном искусстве (С собрания художников Киргизии)». Собрание художников республики было посвящено обсуждению напечатанной в «Советской Киргизии» 30 марта 1949 года статьи художника Дрожжина «Развенчать носителей формализма в изобразительном искусстве». С основным докладом на собрании выступил председатель Союза художников Г. Айтиев, после которого начались прения по докладу, в которых выступило 19 человек (включая инструктора ЦК КП(б) Киргизии Тихонова) (5).

Художник А.Н. Михалев был обвинен в том, что в его «живописных и графических работах формализм выражается в культивировании вкусовщины, эстетства и условности, внутренне обедненным показе советского человека». Художнику А.И. Игнатьеву вменялось в вину, что «пагубные черты импрессионизма и формального увлечения самодовлеющими цветовыми эффектами еще не преодолены в его творчестве». Скульптора О.М. Мануйлову обвинили в игнорировании больших социальных тем: «Поверхностное отношение к теме, эстетство, слащавость, увлечение экзотикой не позволяют ей глубоко раскрывать советскую действительность» (5). В докладе также отмечалось: «Излишняя детализация, копирование внешности без учета внутреннего содержания, отсутствие критического отношения к изображаемому – делают неполноценными работы скульптора тов. Пузыревского. Элементы условности и импрессионизма заметны в работах художников Л. Дейманта, Ильиной» (5).

Все идеологические обвинения против ряда художников и скульпторов республики официально объяснялись тем, что в Союзе художников Киргизии нет активной борьбы за большевистскую партийность в изобразительном искусстве, за полное претворение в жизнь постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам» (5).

В прениях были озвучены разные точки зрения. Художник Флекман заявил, что доклад Г. Айтиева был недостаточно принципиальным, и докладчик всячески старался смягчить критику в адрес А.Н. Михалева, превозносил его заслуги. Также Флекман выступил с критикой творчества художников А.Н. Михалева и Трусовского. «В портретах, нарисованных Михалевым, человеческое лицо заменяет холодная маска. Его картина «Премирование стахановца» напоминает кражу овцы. Работы художника Трусовского («Этюд Иссык-Куля», рисунки из Кантского района, портрет стахановца) не отвечают требованиям социалистического реализма. Но при всем этом Михалев и Трусовский выступали в роли учителей молодежи, сбивая ее с толку» (5).

А.И. Игнатьев в своем выступлении «критически проанализировал свои работы и решительно осудил присущие его творчеству черты импрессионизма». А.Н. Михалев не отрицал ошибок в своем творчестве, отметил слабость некоторых своих работ, но не пошел на полное признание предъявленных ему идеологических обвинений. Художники Стукошин и Дрожжин заявили, что в Союзе художников критика и самокритика по-прежнему не в почете, и что после появления статьи Дрожжина в «Советской Киргизии» А.Н. Михалев якобы пытался всячески опорочить ее автора. Народный художник Киргизии, лауреат Сталинской премии 1948 г. С.А. Чуйков отметил в ходе прений, что критика в Союзе художников республики не всегда была принципиальной и здоровой, и это мешало деловому решению многих важных вопросов.

В прениях некоторые выступавшие пытались ослабить идеологические обвинения против Союза художников республики и отдельных его членов. Директор художествен-

ного училища И.И. Карпов в своей речи защищал А.Н. Михалева. Художник Мирошниченко заявил, «что формалистические ошибки якобы неизбежны в творчестве каждого художника, а в Киргизии формализм не столь опасен, сколько о нем говорят». Студент Ленинградской академии художеств Молдохматов выгораживал своего учителя А.Н. Михалева и выступил против начинающего художника Ахмеджанова, критиковавшего А.Н. Михалева и правление Союза художников. Художники Л. Деймант и Трусовский не признали предъявленные им необоснованные идеологические обвинения.

В заключительном слове Г. Айтиев попытался смягчить идеологическую критику Союза художников и отдельных его членов, включая его самого. В итоге, в принятом на собрании решении было сказано, что напечатанная в «Советской Киргизии» статья Дрожжина правильно поставила вопрос о формализме в творчестве некоторых художников республики. Но отдельные резкие формулировки идеологических обвинений были заменены в решении смягченными. По этому поводу в газете «Советская Киргизия» отмечалось: «Как видно, руководители Союза художников Киргизии еще не отрешились от самоуспокоенности и благодушия, не стали на путь активной борьбы за социалистический реализм и высокую идейность советского изобразительного искусства» (5).

После проведения партийными структурами тщательно спланированных и проведенных для широкой общественности идеологических акций устрашения интеллигенции республики и идеологической проработки отдельных, заранее намеченных интеллигентов с их вынужденными публичными покаяниями в несуществующих идеологических ошибках настал черед применения прямых репрессивных мер органами государственной безопасности.

Тазабек Саманчин

Первым из кыргызстанской интеллигенции под послевоенную волну политических репрессий попал известный литературовед, переводчик и драматург Тазабек Саманчин. 19 ноября 1949 года он был арестован МГБ Киргизской ССР по обвинению «в участии в антисоветской националистической группе и враждебной деятельности на идеологическом фронте» по ст. 58-10 ч.2 УК РСФСР.

Тазабек Саманчин родился в 1909 году в с. Джаны-Джол Кеминского сельсовета современного Кеминского района Чуйской области, по национальности – кыргыз, по происхождению из крестьян, с высшим образованием, кандидат филологических наук, член ВКП(б) с 1943 года. До ареста работал старшим научным сотрудником в Институте языка, литературы и истории Киргизского филиала Академии наук СССР. Ранее не судим.

Т. Саманчин рано потерял родителей, и до 1921 года он жил в людях. В 1921 году он попал в детдом, откуда его направили на учебу в город Алма-Ату, где он учится два года. В 1925 году Т. Саманчин переводится в только что открывшийся Фрунзенский педагогический техникум, который окончил в 1929 году. После окончания учебы он работает преподавателем в Джалал-Абадском педагогическом техникуме (11). С 1930 года по 1934 год Т. Саманчин учился в Московском педагогическом институте им. В.И. Ленина. Затем он работает в системе просвещения, а с 1936 по 1949 год – в Научно-исследовательском институте языка и литературы. Он был членом Союза писателей СССР с 1938 года. В том же году Т. Саманчин заканчивает аспирантуру Института языков народов СССР (7, с. 43). Творческую деятельность Т. Саманчин начал в 1930-х годах. В 1936 году увидел свет его «Букварь для взрослых» на кыргызском языке, переиздававшийся затем в 1937

и 1938 годах. В 1938 году он создал пьесу «Берметтин уландары», и в то же время пишет исследования о кыргызских акынах XIX века. В годы Великой Отечественной войны из-под его пера вышли пьесы «Дела стариков», «Среди гор», литературоведческие статьи и рассказы. В 1943 году он в соавторстве с М.И. Богдановой, О. Джакишевым, К. Рахматуллиным выпустил первые «Очерки истории киргизской литературы».

Т. Саманчин сделал много переводов произведений В.Г. Белинского, А.М. Горького, А.П. Чехова, Л.Н. Толстого, Р. Тагора и других. За заслуги в области развития кыргызской литературы он был награжден медалями «За трудовую доблесть», «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» и Почетной грамотой Верховного Совета Киргизской ССР (11). В 1948 году Т. Саманчин защитил кандидатскую диссертацию о жизни и творчестве акына Молдо Кылыча и стал первым кыргызским ученым-литератором, получившим степень кандидата филологических наук. В том же году была опубликована его монография «Кылыч – жазуучу акын» («Молдо Кылыч – поэт-писменник») (7, с. 43).

На момент ареста он имел семью в составе жены Гульбары Бакировны Данияровой (1923 г.р.), дочери Бермет 6 лет и сына Бекташа 4 лет.

5 августа 1950 года Особое Совещание при МГБ СССР без указания статей УК РСФСР приговорило Т. Саманчина к 10 годам лишения свободы в ИТЛ.

19 сентября 1955 года Центральная Комиссия по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, отменила постановление Особого Совещания при МГБ СССР от 5 августа 1950 года в отношении Т. Саманчина и прекратила его дело за отсутствием состава преступления (1). Ученый вышел из тюрьмы инвалидом (7, с. 43).

После реабилитации Т. Саманчин сумел вернуться к умственному труду и работал старшим научным сотрудником Института педагогики республики. В 1964 году был издан учебник по литературе для восьмого класса киргизской школы, написанный Т. Саманчиным и Б. Алымовым. Этот учебник переиздавался еще в 1967 и 1968 годах (11). В 1973 году была издана его хрестоматия по кыргызской литературе для 8 класса кыргызскоязычных школ. После реабилитации его так и не восстановили на работе в Академии наук республики, и он работал научным сотрудником НИИ педагогики и преподавал в КНУ. Т. Саманчин умер в 1979 году (7, с. 43).

Ташим Байджиев

10 января 1950 года МГБ Киргизской ССР арестовало Ташима Исхаковича Байджиева «за контрреволюционную деятельность» по ст. 58-10 ч.2 и 58-11 УК РСФСР.

Ташим Исхакович Байджиев родился в 1909 году в с. Тепке Тюпского района Иссык-Кульской области, по национальности – кыргыз, по происхождению – из крестьян-бедняков. Он имел высшее образование по специальности педагог-литератор, был кандидатом в члены ВКП(б) с 1945 года и до момента своего ареста. Ранее не судим (1).

В 1925 году Т.И. Байджиев поступил во Фрунзенский педагогический техникум, который окончил в 1930 году. С 1930 года по 1931 год он работал заведующим детского дома в с. Гульча Гульчинского района Ошской области и трудился учителем в школе. С 1933 по 1935 годы Т.И. Байджиев работал заведующим учебной части в Педагогическом техникуме в Джалал-Абаде. В 1933 году во Фрунзе был издан учебник кыргызского языка «Эне тили» («Родной язык»), авторами которого был Т.И. Байджиев и З. Бектенов. В 1935 году свет увидел учебник кыргызского языка для третьего

класса, авторами которого был Т.И. Байджиев и З. Бектенов. Спустя три года Ташим Байджиев в соавторстве с З. Бектеновым подготовил орфографический словарь кыргызского языка (7, с. 45).

В 1940 году он закончил филологический факультет Фрунзенского государственного педагогического института. С 1941 года по 1942 год Т.И. Байджиев трудится в качестве преподавателя в Кыргызском педагогическом институте. В 1942 году он был призван в Советскую Армию, участвовал в боях и был назначен командиром взвода 143 стрелковой дивизии. За заслуги перед родиной Т.И. Байджиев был награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной Войне 1941-1945 гг.» и Почетной грамотой Президиума Верховного Совета СССР. В 1944 году, после тяжелого ранения он был отправлен в тыл с присвоением воинского звания – лейтенант запаса. В 1944-1949 годах Т.И. Байджиев работал старшим преподавателем в Кыргызском педагогическом институте, а с 1946 по 1949 год параллельно трудился научным сотрудником сектора «Манас» Кыргызского филиала Академии наук СССР. В 1947 году он был назначен на должность заведующего сектором «Манас».

В период с 1933 по 1950 годы Т.И. Байджиев перевел с русского на кыргызский язык ряд литературных произведений: «Чапаев» Д. Фурманова, «Кавказский пленник» М.Ю. Лермонтова, «Повести Белкина» А.С. Пушкина, «Бесприданница» А. Островского, «Любовь Яровая» А. Тренева и другие. С 1938 года по 1950 год он же отредактировал более 40 произведений художественной, учебной и массово-политической литературы. В соавторстве с З. Бектеновым он разработал и издал ряд учебников для начальных классов (грамматика и правописание кыргызского языка (1933 г.), хрестоматии (1940 г., 1949 г.) и учебник по кыргызской литературе (1949 г.)) (2, с. 283).

На момент ареста Т.И. Байджиев имел семью в составе матери Апакай Амантаевой (1890 г.р.), сестры Бибишары Байджиевой (1912 г.р.), жены Марьи Байджиевой (1916 г.р.), 4 детей – Мара (1935 г.р.), Мира (1938 г.р.), Алтын (1945 г.р.) и Раи (1940 г.р.).

5 августа 1950 года Особое Совещание при МГБ СССР «за участие в антисоветской националистической группе и контрреволюционной агитации» по ст. 58-10 ч.2 и 58-11 УК РСФСР приговорило Т.И. Байджиева к 10 годам лишения свободы в ИТЛ. Т.И. Байджиев умер 2 февраля 1952 года, находясь в лагере (7, с. 45).

19 сентября 1955 года Центральная Комиссия по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, отменила постановление Особого Совещания при МГБ СССР от 5 августа 1950 года в отношении Т.И. Байджиева и прекратила его дело за отсутствием состава преступления (1).

Зияш Бектенов

5 мая 1950 года МГБ Кыргызской ССР был арестован Зияш Бектенов «за контрреволюционную деятельность» по ст. 58-10 ч.2 и 58-11 УК РСФСР.

Зияш Бектенов родился в 1907 году (1) (по другим данным – в 1911 году (7, с. 165)) в с. Кен-Суу Талды-Суйского района Иссык-Кульской области, по национальности – кыргыз, по происхождению – сын волостного старосты. З. Бектенов имел высшее образование, беспартийный. В 1925-1930 годах З. Бектенов учился в Кыргызском институте просвещения. В 1930-1931 годах он трудится заведующим районным отделом образования в г. Сулокте. В 1931-1932 годах З. Бектенов работал в Москве заместителем ответственного секретаря Кыргызской секции Центриздата народов СССР, был пре-

подавателем Коммунистического университета трудящихся Востока и Киргизского государственного педагогического института. В 1935 году Зияш Бектенов 3 месяца находился под следствием по подозрению в национализме (1).

В 1940-1942 годах Зияш Бектенов был заместителем директора Пржевальского учительского института и старшим редактором Киргизского государственного издательства. В 1942-1946 годах он служил в рядах советской армии в Мешхеде, Иран. В течение 1946-1949 года Зияш Бектенов был научным сотрудником, заведующим сектором фольклора и эпоса «Манас» Института языка, литературы и истории КирФАН СССР (7, с. 165).

На момент ареста он имел семью в составе братьев Осмона Бектенова (1890 г.р.) и Капара Бектенова (1902 г.р.), сестер Бюбюзайры Бектеновой (1894 г.р.) и Каличы Бектеновой (1905 г.р.), жены Ракии Бектеновой, сына Эмиля Бектенова (1935 г.р.), дочерей Гульхаир Бектеновой (1941 г.р.) и Айнур Бектеновой (1946 г.р.).

5 августа 1950 года Особое Совещание при МГБ СССР «за участие в антисоветской националистической группе и враждебную работу на идеологическом фронте» по ст. 58-10 ч.2 и 58-11 УК РСФСР приговорило З. Бектенова к 10 годам лишения свободы в ИТЛ.

19 сентября 1955 года Центральная Комиссия по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, отменила постановление Особого Совещания при МГБ СССР от 5 августа 1950 года в отношении З. Бектенова и прекратила его дело за отсутствием состава преступления (1).

После реабилитации З. Бектенов сумел вернуться к своей профессии. В 1961-1990 годах он работал старшим преподавателем, доцентом и почетным профессором КНУ. В течение 1959-1970 годов им лично и в соавторстве были подготовлены и изданы учебники «Киргизский язык» для 3-4 класса русских школ (1959 г.), «Родная литература» для 5 класса (1963 г.) и «Родная литература» для 4 класса (1969 г.). З. Бектенов умер в 1994 году (7, с. 165).

В целом послевоенные репрессии в СССР были призваны усилить атмосферу всеобщего страха, ослабевшую за годы Великой Отечественной войны. Одна из репрессивных кампаний, «ждановщина», которая в среднеазиатских республиках СССР приобрела вид борьбы с «феодално-байскими пережитками», то есть с традиционной национальной культуры народов региона. В Киргизской ССР в рамках этой кампании, пик которой пришелся на 1949-1950 годы, идеологической проработке и административным наказаниям подвергся ряд литераторов, писателей, ученых и деятелей искусства нашей республики, которые были названы выше. В отличие от массовых репрессий 1937-1938 годов в ходе этой волны репрессий были арестованы и осуждены по необоснованному обвинению в буржуазном национализме всего трое ученых-литераторов – Т.И. Байджиев, З. Бектенов и Т. Саманчин. Самим репрессиям предшествовала активная информационно-идеологическая кампания, проведенная в республиканской прессе в первой половине 1949 года, и ряд публичных собраний с необоснованной идеологической критикой работ ряда ученых, литераторов и деятелей искусства, и против части культурного наследия кыргызского народа (эпос «Манас», фольклор, творчество акына Молдо Кылыча). В гонениях по разным причинам участвовали некоторые коллеги подвергавшихся преследованиям. Идеологические обвинения, предъявленные коммунистической

партией в адрес ряда произведений литераторов республики (и соответственно их авторов), продолжали сохранять свою силу и после смерти И.В. Сталина. Правда, ряд идеологических обвинений, выдвинутых П. Балтиным, Дж. Самагановым и Г. Нуровым, признали необоснованными, их взгляды были названы «вульгаризаторскими». IX пленум ССП Киргизии, прошедший в 1953 году, вскрыл серьезные ошибки в их оценках в отношении творчества отдельных писателей и эпоса «Манас», который они назвали «антинародным» (6, с. 226-227).

С началом хрущевской «оттепели» были полностью реабилитированы незаконно осужденные Т.И. Байджиев (посмертно), З. Бектенов и Т. Саманчин, и только после развала СССР стали доступны для читателей запрещенные в годы сталинских репрессий литературные произведения, с которых были сняты надуманные идеологические обвинения, существовавшие с периода ждановщины.

Литература

1. Архив ГКНБ КР. Фонд-СУ. АУД за № 6039-су.
2. *Ашнин Ф.Д., Алтатов В.М., Насылов Д.М.* Репрессированная тюркология. – М.: Наука, 2002.
3. До конца вытравить проявления безродного космополитизма и буржуазного национализма в литературе и искусстве (С собрания интеллигенции гор. Фрунзе) // Советская Киргизия. – 1949. – 15 апр.
4. За высокий идейный уровень киргизской советской литературы // Советская Киргизия. – 1949. – 8 апр.
5. За социалистический реализм и высокую идейность в изобразительном искусстве. С собрания художников Киргизии // Советская Киргизия. – 1949. – 15 июн.
6. История киргизской советской литературы. – М.: Наука, 1970.
7. Кто есть кто в киргизской науке: Краткий библиографический справочник докторов наук Кыргызстана – У.А. Асанов, А.З. Жуманазарова, Т.К. Чоротегин / Под ред. академика У.А. Асанова. – Бишкек: Главная редакция Кыргызской энциклопедии, 1997.
8. *Маликов К.* Письмо в редакцию газеты «Советская Киргизия» // Советская Киргизия. – 1949. – 10 мая.
9. *Нуров Г., Балтин П., Самаганов Д.* Космополитизм и рецидивы буржуазного национализма в работах Т. Саманчина // Советская Киргизия. – 1949. – 10 апр.
10. Обеспечить коренное улучшение лингвистической работы в республике // Советская Киргизия. – 1949. – 29 мая.
11. *Самаганов Дж.* Писатели советского Киргизстана (Библиографический справочник) / Редактор – канд. филол. наук А.В. Жирков. – Фрунзе: Кыргызстан, 1969.
12. *Саманчин Т.* Письмо в редакцию газеты «Советская Киргизия» // Советская Киргизия. – 1949. – 16 апр.
13. *Самарин Г.* Против буржуазного космополитизма в манасоведении // Советская Киргизия. – 1949. – 5 апр.
14. Седьмой пленум Союза советских писателей Киргизии // Советская Киргизия. – 1949. – 3 апр.
15. *Токомбаев А.* Редакцияга кат (Письмо в редакцию) // Кызыл Кыргызстан. – 1952. – 14 сент.